

УДК 882.09

© Киселева И.А.

О СВОЕОБРАЗИИ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1830-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье на материале русской поэзии 1830-х годов идет речь об основаниях и особенностях русского патриотизма, связанного с сопряженностью в русском этническом сознании Отчизны земной и небесной. Как ценностные доминанты русского мира рассматриваются мотивы воли, свободы, единения, самоотречения, твердости духа, которые приобретают особенную интенсивность именно в свете вечности. Делается вывод о том, что русская поэзия 1830-х годов характеризуется особым подъемом в осмыслении патриотического чувства, постижением его онтологии и значимости для духовного роста человека.

Ключевые слова: вера, дух, единство, патриотизм, родина, свобода, славяне.

© I. Kiseleva

ABOUT THE PECULIARITY PATRIOTISM IN RUSSIAN POETRY OF 1830-TH

Abstract. Based on the materials of Russian poetry of 1830-th the peculiarities of Russian patriotism, expressed in close connection of heaven and earthy homeland in Russian ethnical consciousness, are showed. As the value dominants of Russian world the motives of freedom, will, unity, self-denial are considered. Its take on special intensity in the light of eternity. The author comes to conclusion that Russian poetry of 1830-th is characterized by special increase in understanding of ontology and significance of patriotic feelings for persons` spiritual development.

Key words. faith, spirit, unity, patriotism, native land, freedom, the Slavs.

Для русского человека любовь к Родине имеет в высшей степени глубокое основание, связанное как с самим образованием древнерусского государства, так и с видением духовной миссии русского государства и русского этноса. Духовный патриотизм поэзии 1830-х годов проявляется во внимании к целому комплексу мотивов, среди которых особое место занимают мотивы воли, свободы, твёрдости духа, общности и единения, проявляющиеся на уровне семьи, государства, наконец, Отечества Небесного, которое и служит своеобразным ключом к пониманию особенностей русского патриотизма.

Память Неба зримо представлена уже в лермонтовском хрестоматийном шедевре «Ангел» (1831), начальные стихи которого воссоздают полную поэзии картину: «По небу полуночи ангел летел...». Буквальный смысл текста связывает произведение с определенным временем суток – полночью. Но словосочетание «по небу полуночи» в данном стихотворении, как, впрочем, и в историко-культурной традиции имеет еще один важный смысл. Это есть обозначение не только времени, но и пространства. И недаром словосочетание это рождает неоднозначность понимания, так Д.С. Мережковский в своей знаменитой статье «М.Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества» вспоминал, что в детстве воспринимал «небо полуночи» не как время суток, а как особое небо – «луночь», синее небо в лучах луны, по которому летит ангел. Образ неба полуночи в историко-культурной традиции связан с образом России как страны Севера. В стихотворении Ф.И. Тют-

чева «Урания» (1820) Россия расположена «среди снегов Полунощи глубокой» [6, 24]. Н.М. Языков, соотнося себя с А.С. Пушкиным, союз двух поэтов связывает с образом Руси как страны полуночной: «Два сына Руси православной, Два первенца полночных муз...» [9, 7]. «Сын <ами> полночи» названы русские воины в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Поле Бородина» (1830-1831). В поэме «Измаил-бей» (1832) также «полночь» – «север дальний» является знаком родины поэта, в поэме воспоминания оказываются «Пленительней, чем голубые очи / У нежных дев ледяной полуночи...» [4, 243], и в «Пире Асмодея» (1830(31)) Москва – это страна «полночи дальней». В контексте творчества Лермонтова ясно видится, что небо «полуночи» – это небо русской земли, а песня ангела наряду с тем, что являет собой звуки небесной Отчизны, может быть названа и песней края «полуночи». И душа молодая, что ангел «в объятиях нес» – это образ души самого поэта, который, как он сам отмечал, «с русскою душой», и образ славяно-русской души как национального архетипа. Н.М. Языков сынами полночи называет и варягов в стихотворении «Песня короля Регнера» (1822). В начале XIX века, наряду с так называемой норманнской теорией, были популярны и иные гипотезы, так А.С. Пушкин в замысле трагедии «Вадим» прямо называет Рюрика славянином, вероятно, полагая, что варяги – это племя северных славян. В любом случае, славянская Русь в некотором роде выступает преемницей варяжской доблести. Н.М. Языков с большим воодушевлением, патриотическим подъемом описывает, как «бились мечами, полночи сыны». Но если у Н.М. Языкова битва заканчивается победой: «И мы победили, полночи сыны» [9, 43], то в «Поле Бородина» Лермонтова итог иной, лирический герой восклицает: «Мои товарищи, вы пали!». Битвы, как правило, славны победами. Битва при Бородино рождает особое ощущение:

*Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденю весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь [4, I, 233],*

– пишет Лермонтов. Результат битвы под Бородино сложен для понимания, и возможен именно в духовной традиции Православия. Он заключен в словах «Господня воля», «Божья воля», которые являются смыслообразующими для стихотворения Лермонтова «Бородино» («Не будь на то Господня воля / Не отдали б Москвы»). У Н.М. Языкова победа сынов полночи реальна, она достигается не только доблестью воинов, но и их обращением к Одину и принесением ему в жертву «врага-исполина». Перед нами языческая парадигма понимания победы в ее непосредственной данности. Для русского православного миропонимания победа над исполином могла бы быть образом преодоления своеволия. В лермонтовском «Бородино» мы и видим особое отречение от *своей воли* свободолюбивых по духу воинов-богатырей:

*Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики... [4, I, 9].*

Для героев Бородина оказывается действенной установка Молитвы Господней: «Да будет воля Твоя». Образ Молитвы Господней возникает уже в раннем стихотворении Лермонтова «Поле Бородина»: «Штыки вострили да шептали / Молитву Родины своей». Молитва Родины, образ которой возникает в лермонтовском тексте, и есть именно молитва Господня, в которой Господь оборачивается к нам стороной Отечества, разрешая

обращаться к нему как к Отцу («Отче наш»). Вероятность того, что под молитвой Родины в стихотворении «Поле Бородина» Лермонтов подразумевал именно «Отче наш» подкрепляется и тем, что при последующем обращении к теме в стихотворении «Бородино», при сохранении некоторых элементов более раннего текста, словосочетание «молитва Родины» исчезает, но ее функцию выполняют слова «Господня воля», «Божья воля», являющиеся аналогом одного из прошений молитвы Господней: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». И в «Поле Бородина», и в «Бородино» русский полагается на волю Господню. Но и воля человека присутствует в обоих стихотворениях. Отречение в православной практике от своеволия дает возможность полноты ощущения свободы. В «Поле Бородина» вольнолюбивый характер слышится в обращении лирического героя к своему товарищу:

*«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы»* [4, I, 233].

В «Бородино» мотив свободоловпия выражен еще определеннее в стихах:

*И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!* [4, I, 9].

Здесь образ воли дается как характеристика русского ландшафта и русского характера, впрочем, и в случае с первым стихотворением это же указание применимо. Ощущение героем личной воли, свободы не противоречит воле Господней, но является её исполнением. Это согласие воли, их симфония оказывается осуществимо именно в воинской службе, в службе государству, родной стране. Особо значимо, что именно для русского человека, с его «русскою душой», которая безбрежна, по словам Лермонтова, как «огромный океан», молитва Родины – это молитва Господня, призывающая свершению Божьей воли.

Вся вольность души русского человека реализуется в защите своего Отечества. Но если, например, в «Последнем сыне вольности» Лермонтова идея государства связана с утратой свободы посредством Рурика и его войска, то уже Россия как христианская Империя воспринимается поэтом как та организация, где воля человеческая должна быть подчинена воле Божьей во имя высшей идеи. И.А. Ильин рассуждал о русском характере: «Такие натуры и народы *дышат свободой*, жить без свободы не могут <...> и нужны особые обоснования и движущие силы – *религиозная вера, любовь к Отечеству*, верный государственный инстинкт, национальная опасность, пробуждающая и стимулирующая национальный инстинкт самосохранения, – чтобы в течение длительного времени выносить несвободу и мириться с ней» [2, 554]. Мысль эту еще ранее художественно выразил Лермонтов, который всем своим творчеством утверждал, что через любовь к Отечеству, через веру русскому народу открывается высший смысл свободы – в покорности воле Божьей, в свободном безропотном ееприятии. Произнесение молитвы Господней и есть воля к воле Божьей, высшее проявление человеческой воли, которое дается через *добровольную* жертву отречения от «скудн<ых> пес<ен> земли», молитва Господня – явленное воспоминание о Небесной Родине человека.

И в «Поле Бородина», и особенно в «Бородино» одним из основных мотивов является мотив братства, военного товарищества. В «Поле Бородина» постоянны слова «брат», «товарищ», в «Бородино» названный мотив еще более усиливается и размыкается в историческую вертикаль: «Умремте ж под Москвой, Как наши братья

умирали!». Мотив братства в военно-патриотических стихотворениях Лермонтова определяется тем, что поэт укоренен в православной традиции, молитва «Отче наш» просвечивает сквозь его поэтические шедевры. Святитель Иоанн Златоуст в толковании молитвы Господней говорит: «Господь научает нас общую творить молитву о братьях. Ибо не говорит: «Отче мой», но Отче наш и тем самым повелевает возносить молитвы за весь род человеческий...» [3, 18]. Старший современник Лермонтова святитель Тихон Задонский полагал, что «Сим воззванием – Отче наш! – научаемся, что всем христианам един есть Отец – Бог, следовательно, они суть братья между собой, как Единого Отца имущии...» [3, 29].

Право обращаться к Богу «Отче наш» славяноросс приобретает в древнем Киеве. С Киева пошла и русская государственность. Киев – отечество славянороссов, Отечество не столько (впрочем, и не только) родовое, сколько духовное. В славянорусском сознании Киев, являясь государствообразующим для Древней Руси городом, оказывается и знаковым образом Отечества Небесного. С большой долей определенности этот мотив проявился в поэзии А.С. Хомякова, который в стихотворении «Киев» (1839) славит этот древний город – отца городов русских:

*Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!* [7, 144]

Будучи местом крещения Руси, Киев в сонме своих ассоциаций имеет образ неба на земле. Именно этот образ – неба на земле – оказывается, по преданию, определяющим для выбора славянороссами своей веры. «Мы не знали – на небе или на земле мы, передаёт летописец впечатления славянских послов от службы в Софии Константинопольской, – ибо нет на земле такого зрелища, и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той» [5, 274]. Этот известный аргумент в пользу принятия православия подтверждает важность для славянорусского сознания ощущения присутствия Бога в этом мире. Этот образ «рая на земле» встречается еще ранее в литургическом толковании (около 730 г.) Константинопольского патриарха св. Германа I: «Церковь – рай на земле, где Господь Небесный пребывает и повелевает» [7]. Церковь – это собрание верующих во Христе. То есть Господь «пребывает и повелевает» там, где собраны во имя Его, там, где братья. Именно для русской истории характерно то, что братство духовное и братство как союз граждан одного государства укоренены во Христе. А.С. Хомяков пишет:

*Мы вокруг твоей святыни
Все с любовью собраны* [7, 184].

Поэт призывает сограждан к единению, источником и движущей силой которого может дать именно духовное пробуждение отца городов русских:

*Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
Сладок глас отца родного,
Зов моления и любви.
<...>*

*И вокруг знамен отчизны
Потекут они толпой
К жизни духа, к духу жизни
Возрожденные тобой!* [7, 184-185].

Мотив единства в русской поэзии 1830-х годов проявляется не только на уровне единства русских как граждан одной страны, но и на уровне единства всеславянского, родового. Так, например, М.Ю. Лермонтов, обращаясь к героико-патриотической тематике, также акцентирует именно мотив преемственности, сыновства. Его национальные герои – «сыны полночи», «сыны снегов, сыны славян».

В стихотворении «России» (1839), А.С. Хомяков, предвосхищая тютчевские тексты по славянскому вопросу, пишет о призвании России «хранить племен святое братство». В этом же стихотворении А.С. Хомяков воссоздает поэтический образ России, уподобляющейся небу:

*О, вспомни свой удел высокий!
Былое в сердце воскреси
И в нём сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему – и, все народы,
Обняв любовью своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный –
Прозрачный Вышнего покров!* [7, 182].

А.С. Хомяков в стихотворении «Орел» (1832 (?)) пишет о единении славян на основе братской любви, которая служит залогом их свободы. Активной силой здесь выступает именно русское государство, обладающее вольностью и, как следствие, возможностью любви действенной:

*Питай их пищей сил духовных,
Питай надеждой лучших дней
И хлад сердец единокровных
Любовью жаркою согрей!* [7, 165].

«Славян полунощный орёл» обладает ответственностью старшего, и поэт дает ему наказ:

*О младших братьях не забудь! <...>
О, вспомни их, Орёл полночи!
Пошли им звонкий свой привет,
Да их утешит в рабской ночи
Твоей свободы яркий свет!* [7, 164].

Позднее эту мысль разовьет Тютчев в знаменитом послании «Славянам» (1867), заканчивающемся поистине смелой фразой:

*И слово «Царь-Освободитель»
За русский выступит предел [6, II, 178].*

Анализируя поэзию Лермонтова, И.П. Щерблыкин говорил о том, что «истинная свобода» в понимании поэта «неотделима от духовной плазмы родного бытия» [8], свобода видится поэтам только в любви и единении; подобный мотив характерен для всей поэзии 1830-х годов. Понимание свободы в её полноте возможно лишь в парадигме верности Православию, утверждающем личность в её цельности, в единстве воления и исторической памяти. Патриотизм в русской поэзии 1830-х годов приобретает особое звучание, расширяется до пределов вселенской ответственности. Эта вселенская ответственность русских поэтов чужда космополитизму, она личностна и конкретна, как обязывает ее православная антропология, а потому и окрашена в цвет славянского братства, основанного, в восприятии русских поэтов, на вере в «единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли». Русская поэзия 1830–х годов характеризуется особым подъемом в осмыслении патриотического чувства, осознанием его глубокой укоренности в самой человеческой природе, постижением его онтологии и значимости для духовного роста человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хомяков А.С. Стихотворения. – М., 2005.
2. Ильин И.А. История становления государства // И.А. Ильин. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. Часть 2. – М., 1996.
3. Истолкование Молитвы Господней словами святых отцов. Сост. Святитель Феофан Затворник. – Минск, 2007.
4. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 тт. – М., 1957. – Т. II.
5. Повесть временных лет. Изд. Д.С. Лихачева. – М.-Л., 1950. – Т. 1.
6. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6 тт. – М., 2002. – Т. I.
7. Герман Константинопольский. Сказание о Церкви и рассмотрении Таинств. – М., 1995. (Цит. По: Р.Ф. Тафт. Византийский церковный обряд. – СПб., 2005.)
8. Щерблыкин И.П.. Станицы лермонтоведения: интерпретация, анализы, полемика. – Пенза, 2003.
9. Языков Н.М. Свободомыслящая лира: Стихотворения; поэмы; жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям. – М., 1988.